

УДК 811.161.1'276

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>

Е. Г. Елина
Саратов, Россия

Elena G. Elina
Saratov, Russia

Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр

The Oral Narrative of a Student Activist as a Speech Genre

На наших глазах происходят активные процессы формирования новых форм и типов высказываний. Важной задачей является изучение различных форм высказываний, характерных для студенческой среды. Изучения требуют тексты высказываний, принадлежащих студентам-активистам, лидерам разнообразных студенческих движений. Цель исследования – выявление жанровых черт этих текстов. Исследование проводилось на материале записей устных высказываний студентов-активистов, деятелей студенческого совета, победителей различных студенческих конкурсов. Речевая стихия устного высказывания студента-активиста лежит в парадигме концептов «движение», «акция», «инициатива». В отличие от старших товарищей из мира чиновников, которые научились говорить без использования местоимения первого лица, студент-активист несколько применяет форму «Я», которая решает несколько задач высказывания. Во-первых, это демонстрация позитивного опыта для других, только еще начинающих или будущих студентов-активистов. Во-вторых, это публичное признание собственных заслуг. В-третьих, это своего рода речевое селфи, позволяющее запечатлеть каждый момент жизни.

В речи студента-активиста частотно слово «эмоции», являющееся заменой передачи реальных эмоциональных состояний. Любое событие, о котором говорит активист, не предполагает сомнений и колебаний. Это событие заведомо правильно, полезно, поскольку является важной частью «движения», «акции». Студент-активист уверен в избранном деле и гордится своей причастностью к лидерской группе. Он говорит о наличии корпоративной культуры, о постоянном самосовершенствовании, о стремлении к новизне, о студсовете как школе жизни.

Высказывания студентов-активистов в большинстве своем являются вариантом деловой коммуникации, включающей в себя как бюрократический сленг «взрослых», так и элементы молодежного жаргона. Можно уверенно говорить об общих структурных особенностях, о четких границах высказывания, о роли субъектов высказываний, о норме экспрессивности (вернее, ее подчеркнутом отсутствии) в устной речи студентов-активистов.

В статье показано, что сегодня сформировались признаки жанра устного высказывания, свойствен-

The speech ecosystem of an activist's utterance is rooted in the paradigm of concepts of "movement", "action", "initiative". Unlike their elder role models – the officials, who learned to avoid the first-person pronoun in their speeches – an activist is using an I-narrative which serves several purposes of the utterance. Firstly, it helps demonstrate their positive experience to those who are starting or thinking about joining the ranks of activists. Secondly, it is a public recognition of their own achievements. Thirdly, it serves as a kind of a spoken selfie, reflecting any life event.

An activist's speech frequently features the word "emotions" which substitutes actual words for real emotions. All events described by an activist should be approached without any doubt or hesitation, since all events are supposed to be proper and useful, they are integral parts of "movements" and "actions". An activist is always sure of the cause and is proud to be a part of a leader group. An activist speaks about their corporate culture, about personal development, trying out something new; the students' council is described as the school of life.

The activists' utterances mostly belong to business communication. Their version includes both, the bureaucratic slang of "adults" and the youth jargon. We have identified the general structural aspects of this speech genre, the framework of an utterance, the role of its subjects, the emotional level (or the lack of it) in the speech of activists.

The article demonstrates the emerging features of a genre of an oral statement in the speech of students who position themselves as activists.

ного студентам, позиционирующим себя как студенты-активисты.

Ключевые слова: студент-активист, речевая культура, речевое высказывание, молодежные движения, акции, инициативы, бюрократическая речь, сленг, эмоции.

Сведения об авторе: Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Keywords: a student activist, culture of speech, (oral) statements, youth movements, actions, initiatives, bureaucratic speech, slang, emotions.

About the author: Elina Elena Genrikhovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General Literary Studies and Journalism.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

На наших глазах происходят активные процессы формирования новых форм и типов высказываний. Появляются новые слова и формы слов, новые клише и жаргонизмы, новые синтаксические конструкции и даже новое интонирование. По этим новациям традиционно различают приметы принадлежности говорящих к профессиональным, социальным, а теперь и интернет-сообществам, к возрастным и территориальным стратам.

Несмотря на существенные изменения этой ситуации в последние десятилетия, когда основным фактором, определяющим языковую реальность, становится нарушение всех и всячески границ и правил, когда, например, элементы молодежного сленга проникают в речевое общение профессоров, когда оказываются более либеральными и представления об элитарной речи, и требования к «хорошей» речи [1], тем не менее определители принадлежности субъекта речи к той или иной речевой субкультуре сохраняются.

Любопытным явлением последнего времени становится происходящее расслоение молодежной речевой культуры. Так, в университетской среде сформировались признаки жанра устного высказывания, свойственного студентам, позиционирующим себя как студенты-активисты. Это организаторы разнообразных студенческих движений, созданных с очевидным учетом опыта комсомольских организаций. Нынешние студенческие организации функционируют по нескольким основным направлениям: «тьюторство» и «старостат», урбанистические организации, участвующие в обсуждении проблем городского пространства, социальное проектирование (шефство над детскими домами, помощь ветеранам) и самое масштабное – волонтерство. Все эти направления деятельности организуются советами студентов и аспирантов вузов. Активисты студенческих движений и отрядов (по традиции объединения студентов для работы в летнее время называют стройотрядами, будь

то строительные работы, работа в качестве проводника железнодорожного вагона или вожатого в детском оздоровительном лагере) участвуют в различных конкурсах, получают престижные награды и рекомендации для участия в еще более масштабных проектах.

Наше исследование проводилось на материале устных рассказов о своей деятельности студентов-активистов, представителей студенческого совета. Рассказы записывались на диктофон сотрудниками Центра СМИ Саратовского университета. Среди рассказчиков были студенты, прошедшие отбор для участия в качестве волонтеров на Фестивале молодежи и студентов в Сочи, на Зимних Олимпийских играх в Сочи, на Чемпионате мира по футболу 2018 года и других международных событиях, победители конкурса «Студент года». Студентам предлагалось рассказать о своем видении значимых событий и мероприятий, в которых довелось участвовать.

Следует обратить внимание на то, что излагаемые события осмыслены студентами-активистами через призму занимающей их общественной деятельности. Все виды работы, в которые студенты вовлечены, воспринимаются самими рассказчиками как участие в масштабных «движениях», «проектах», «отрядах». Одно из сравнительно новых обозначений деятельности студентов-активистов – слово «инициатива» в его различных грамматических вариантах. Заметим, что слово это нередко используется в значении «проект»: «инициатива, в которой я участвовала», «инициатива по приведению в порядок городских территорий», «общегородская инициатива».

Конечно, никуда не ушло слово «мероприятие», оно разнообразно включено в речь активиста, но чаще, чем «в мероприятиях», лидеры студенчества участвуют в «акциях», демонстрируя свою «активность» (в самом

последнее время – «активности» и даже «активизм»).

Новое значение приобретает и слово «опыт» в высказываниях активистов. Опыт становится не суммой приобретенных знаний и представлений, а самими представлениями. Активисты не разъясняют, какой опыт или опыт чего они приобрели (скажем, организаторской работы или проведения субботника), они приобрели опыт во время какого-то действия или события: «*Это серьезный опыт для волонтеров нашей области*». Появляется даже выражение «*незаменимый опыт*». Не исключено, что такое словоупотребление является калькой с английского «experience».

Свое участие в студенческих движениях студенты-активисты квалифицируют как участие в «акции», «направлении», «организации досуговой деятельности»: «*Мне всегда моя работа нравилась. Времени при желании хватает на всё, потому что это не рутинная. Постоянное движение, возможность обучаться, выполнять какие-либо свои задачи... Студсовет был той школой, где я могла обучаться новым направлениям*». «**Направление**» – это еще и вполне различимая организация: «*А ещё запомнился африканский танец, который мы готовили с направлением*». Активист не скажет: «с друзьями», «с товарищами», он работает с «направлением», «движением», «инициативой», хотя вполне понятно, что «направление» или «движение» – это определенная организованная группа студентов: «*За время существования этой инициативы мы провели ряд флешмобов, акций по сбору мусора и опросов по улучшению городской среды. Девиз нашего движения: "Меняем город к лучшему"*».

Стабильность целого ряда устойчивых выражений в словаре студента-активиста приводит к появлению штампов, клишированных оборотов, которые кочуют от одного высказывания к другому. Среди таких штампов обращают на себя внимание слова и выражения: «команда», «командная работа», «личный рост», «площадка», «площадка для воплощения». Использование в речи этих выражений создает определенный речевой образ, включающий в себя набор высказываний, характерных для современных чиновников.

Студент-активист должен ощущать себя частью «команды единомышленников», об этом он постоянно говорит, этот факт словно вменен в его обязанность. В речи активиста мы находим имплицитно выраженный посыл: если ты часть команды, если ты реализуешь **инициативу** (не чье-то ру-

ководство к действию, а именно большой проект), тебя ждет «**личный рост**». «Личностный рост» становится, по-видимому, неким бонусом для студента-активиста, шагом к карьере: «*Кроме того, студенческие отряды помогают в карьерном плане. Появилась возможность стать командиром линейного отряда, и дослужиться до комиссара регионального отделения. Для будущих руководителей это хороший опыт*».

Столь же популярным стало и слово «**креативный**». Оно уже практически заменило собой понятие «творческий». «Креативный» косвенно включает в себя не только объем понятия «творческий», но и, судя по контексту, такие категории, как «инициативный», «самостоятельный», «способный организовать других»: «*моя креативность позволила вовлечь всю группу*», «*это было креативно, потому что от начала до конца я все смогла сделать сама*».

Еще одно выражение, пришедшее в мир студентов-активистов из СМИ, это выражение «**на момент**». Ставшее исключительно частотным в последнее время, употребляемое с очевидной ошибкой в использовании предлога, «на момент» буквально пропитывает речь активиста: «*на момент моего председательства*» (ср.: в период, во время), «*на момент моей поездки*», «*на тот момент*» или даже «*на тот момент времени*».

Речевой образ¹ студента-активиста будет неполон без слова «**мотивированный**». При этом «мотивированный» предполагает предлог «на» (вместо предлога «к») в постпозиции. Все эти «**мотивированные на**» новые свершения, дела, получение профессии, победу в соревновании становятся важной частью требования к себе и другим участникам «команды» активистов: «*Это очень мотивирует на дальнейшую работу*». Если мотивированность понимается как «процесс», «движение к чему-то», то это движение к лидерству. Любый начинающий студент-активист стремится рано или поздно занять лидирующее положение в «команде». Не случайно в среде активистов столь популярны сегодня «школы лидеров», «модели студенческого лидерства», «лидеры России».

«**Мотивированность**» связана еще с одной константой в речи студента-активиста – мыслью об «**успешности**»: «*нужно быть успешным*», «*я стал успешным*». Свою деятельность по воплощению «инициатив» студенты, таким образом, связывают с категорией успеха, если не сегодняшнего, то завтрашнего. Успех, успешность не приходят сразу, а потому первый шаг молодые активисты связывают

¹Об одном из видов языкового образа см. [2].

с появлением **«шанса»**. **«Шанс»** становится еще одним ключевым понятием в концептосфере студента-активиста, при этом активист и **«получает шанс»** из рук старших товарищей – лидеров студенческого движения, и **«дает шанс»** другим, начинающим, активистам.

Составляющим речевого образа активиста являются проявления современного, востребованного и публицистической, и бюрократической сферой канцелярита: **«в рамках», «также»** в начале многих предложений: *«также мне не раз пригодился мой опыт»*.

Активист не учится, а **«сидит на парах»**, он не волнуется, потому что **«стрессоустойчив»**, он не просто действует, а **«выходит из зоны комфорта»**: *«Мы смогли с командой волонтеров выйти из зоны комфорта и по-настоящему зажечь»*.

Студент-активист, рассказывая о событиях, вольно или невольно создает собственный положительный образ. В отличие от старших товарищей из мира чиновников, которые научились говорить без использования местоимения первого лица, студент-активист с удовольствием и вдохновенно ставит именно себя в сильную позицию: **«Я не сдался», «я добился», «я достиг»**. Это настойчивое **«Я»** решает несколько задач высказывания. Во-первых, это демонстрация позитивного опыта (**«делай, как я»**) для других, только еще начинающих или будущих студентов-активистов. Во-вторых, это публичное признание собственных заслуг (**«а почему нет, пусть все знают»**). В-третьих, это своего рода речевое селфи (запечатлеваем каждый момент жизни, потом будет интересно посмотреть-почитать). Кстати, в некоторых высказываниях студентов-активистов в качестве итоговой-резюмирующей фразы звучит мысль: буду рассказывать об этом детям и внукам.

Интересно, что с этим продвижением **«Я»** связан и факт реанимирования в речи студента-активиста старинного советского оборота **«личным примером»**. Про личный пример, на котором должны воспитываться начинающие, говорят многие активисты. И этот личный пример подает сам говорящий. Из старого в новый язык активиста вернулись **«работать с душой», «сделать с огоньком»**: *«Ведь если ты проводишь мероприятия с душой, работаешь с теми людьми, которым это интересно, то ты сам заряжаешься позитивными эмоциями»; «И если до того дня я раздумывала, стоит ли продолжать свою деятельность, то после форума поняла: хочу показать всем, кто меня окружает, что доброволец – это призвание, которым стоит гордиться»*.

В. В. Дементьев пишет о роли коммуникативной тональности в высказывании, где особенно важна «степень серьезности» [3: 11]. Так вот в речи студента-активиста степень серьезности очень высока. Ирония, шутка, игра слов сведены здесь к нулю. Даже молодежный сленг в ней уходит далеко на задний план. Элемента сленга, безусловно, присутствуют, но они вмонтированы в клишированные высказывания, а потому воспринимаются также элементами клише. Исключение составляют слова **«круто», «крутой»** (вариант – **«классно»**): *«крутая дискотека», «это было действительно классно»*. Эти жаргонизмы-позитивы пропитывают речь студента-активиста, подытоживают каждую часть высказывания, становятся главным способом оценивания ситуации, участия в какой-то большой «инициативе» или становятся оценкой других участников «команды». В системе ценностей студента-активиста нет места унынию или разочарованию. О своей работе он всегда говорит исключительно в позитивном ключе, масштабируя сделанное в превосходных степенях. Это не кажется завышенной самооценкой говорящего или следствием недопонимания реального вклада. Скорее, это искреннее осознание своего дела как очень важного, неперемного, востребованного людьми: *«Признание твоего дела – это невероятное чувство. Победа для меня – показатель того, что мы делаем что-то не напрасно и реализуем дело, которое поддерживают и принимают»*.

Встречаются в речи активистов и другие жаргонные словечки: **«тусовка», «тусоваться»**, однако чаще всего они обладают коннотацией осуждения: *«некоторые молодежные тусовки», «сначала я думал, что здесь будем тусоваться»*. **«Тусовке»** противостоят участники **«команды»** или – шире – организованной **«инициативы»**.

Замечено было и жаргонное употребление слова **«эпичный»**, означающее в молодежной среде нечто особенно хорошее: *«Это было эпично и здорово»*.

Из англоязычных современных заимствований активисты любят слова **«тайм-менеджмент»**, стрит-арт, драйв: *«У меня был расписан каждый час, это был жесткий тайм-менеджмент»*.

Студент-активист контаминирует в одном высказывании слова и выражения из различных речевых пластов: *«Появилась некая синергия, помогающая в какие-то моменты менять образовательную программу под запросы участников»; «Особенно запомнилась последняя ночь, когда было невозможно оторваться от волшебного звездного неба. Путешествие сплотило нас и сделало одной крепкой командой»*.

Поскольку студенты-активисты чаще всего рассказывают о своем участии в ярких запоминающихся событиях, рассказчики заражаются настроением больших масс людей, собравшихся в большом зале, на стадионе, в олимпийской деревне, на площади молодежного фестиваля. Происходящая взаимная подзарядка влечет за собой и сам тип рассказывания – с восторженными интонациями, с попыткой поделиться эмоциональным состоянием, а, возможно, – похвастать перед окружающими (Я там был, видел, участвовал!). Вот почему в речи студента-активиста так часто используется слово «**эмоции**». По нашим наблюдениям, это одно из самых частотных слов: «*Эмоции от Года добровольца остались разные, но, безусловно, почти все они положительные*»; «*Когда активистам СГУ предложили поучаствовать в фестивале, я поняла, что это мой шанс получить новые эмоции, поэтому сразу же согласилась. Мы много репетировали и полностью отдавались процессу, и это того стоило! Все мои усилия окупились тем зарядом энергии, который я получила на сцене*»; «*Я никогда не забуду эмоции всех этих людей, их улыбки, безумный драйв*».

Стоит сказать, что слово это свойственно сегодня не только студенту-активисту, оно активно внедрено в теле- и интернет-пространство. Обозначение эмоции или эмоций (радость, восторг, счастливый момент жизни, удовольствие, веселье, ликование) заменяется выражением «*испытал эмоции*». В высказываниях студента-активиста то и дело встречаем: «*позитивные эмоции*», «*спортивные эмоции*», «*новые эмоции*», «*положительные эмоции*». Интересно понять, что это – недостаточность словарного запаса или дань моде? Эти и другие клише, свойственные речи активистов, дают основания считать, что устойчивые слова и выражения становятся возможностью высказываться «как все», использовать типовые речевые конструкции взамен индивидуализации высказывания.

Л. Р. Безуглая пишет: «Оценка человеком ситуации, вызывающей эмоции, базируется на трех компонентах: желательности, одобрения и привлекательности» [4: 34]. В нашем случае оценка ситуации намеренно стерта, передается своеобразным заменителем, эрзацем подлинной эмоции. Это именно эмоция, но без ее содержательного наполнения. С этим, вероятно, связано то, что ни одобрения, ни других компонентов оценки не наступает. Это и не требуется говорящему. Он констатирует факт, событие, которое заведомо окрашено «*положительной эмоцией*». Иными словами, можно сказать, что «одобрение» не требуется, потому что оно заложено

в самой констатации. Вообще любое событие, о котором говорит активист, не предполагает сомнений и колебаний. Это событие заведомо правильно, полезно, поскольку является важной частью «*движения*», «*акции*».

Студент-активист уверен в избранном деле и гордится своей причастностью к лидерской группе. Он говорит о наличии собственной корпоративной культуры, о постоянном самосовершенствовании, о стремлении к новизне, о студсовете как школе жизни. Важно, что нашим рассказчикам интересно то, что они делают, что свое дело они воспринимают как очень нужное людям. Высказывания наполнены примерами того, как идея была поддержана и в студенческой среде, и руководством факультета и вуза. Все это исключительно высоко ценится в среде студенческого актива: «*Студенческое самоуправление – это бесконечная жизнь. Если ты однажды в неё окунулся, то ты в ней остаёшься навсегда. Она затягивает, она сплачивает. К нам может прийти любой, и он непременно чему-то научится*».

Для студентов-активистов имеет значение то обстоятельство, что многое они осуществляют сами: «*Современный студенческий совет – это, в первую очередь, команда людей, которые занимаются студенческим самоуправлением, а не самоуправлением. Мы помогаем администрации вуза в развитии приоритетных программ и проектов, проводим опросы среди студентов для выявления наиболее значимых проблем и путей их решения. Сейчас мы не просто студенческая организация, а настоящая дружеская компания*»; «*У нас есть своя личная корпоративная культура, система мотивации и поощрения и, конечно, карьерный рост. Мы находим для выпускников Студсовета хорошие места трудоустройства, помогая им в дальнейшем. Мы считаем, что нас можно назвать состоявшейся взрослой компанией. С приходом нашей команды мы провели сильную реструктуризацию работы, полностью обновили дизайн организации, впервые создали настоящий полноценный брендбук, добавили и расширили состав Студсовета, провели новые обучающие школы и другие мероприятия с большим охватом студентов*».

Порой за стандартной фразой скрыта истинная и абсолютно личная причина участия в «*инициативе*» или «*движении*». Студент признается в том, что был замкнут, застенчив, некоммуникабелен, а «*работа в команде помогла мне стать более открытой и коммуникабельной*»; «*я перестал теряться перед большой группой однокурсников*»; «*мне удалось избавиться от заикания*».

Контекст высказываний студентов-активистов включает в себя наряду с клише настоящие откровения: *«Думаю, все должны друг другу помогать. Чем больше добра в мире, тем лучше. Замечательно, что можно вложить себя в такое дело и знать, что ты полезен»*; *«и если до того дня я раздумывала, стоит ли продолжать свою деятельность, то после форума поняла: хочу показать всем, кто меня окружает, что доброволец – это призвание, которым стоит гордиться»*.

При анализе высказываний студентов-активистов возникает вопрос об искренности этих высказываний. Клишированность речи, использование одних и тех же речевых оборотов разными студентами, замена обозначения подлинных эмоциональных состояний стертыми «эмоциями» позволяет предположить элементы некоторой неискренности говорящего [4: 30–37]. Н. Д. Арутюнова справедливо замечала, что «вместо объективного принципа истинности предложения в центре внимания оказался субъективный принцип искренности высказывания» [5: 55]. Однако в нашем случае, случае речевых самопрезентаций, свойственных студентам-активистам, представляется, что на первый план выдвигается не проблема искренности-неискренности, а проблема форм самовоплощения говорящего. Путь от сделанного к его речевому (заметим, чаще всего, публичному) воплощению сопровождается редуцированием простых (номинативных) понятий, живых реакций, исчезновением передачи непосредственных ощущений и впечатлений. Вместо всего этого в результате возникают клишированные тексты, наполненные речевыми оборотами, типовыми формами, принятыми в среде студенческого актива. Любое преодоление установленного формата, отклонение от него приводит не только к частичной утрате нужной для говорящего информации, но – главное – к осознанию говорящим потери своей идентичности в среде сверстников.

Безусловно, в рассказах студентов-активистов мы находим и вполне живые истории очевидцев – про сплав по реке, про курьезные случаи на Универсиаде, про купание в самом соленом озере России. Но как только речь заходит о «движении» или «инициативе», об «акции» или «отряде», ракурс рассказывания меняется, а образ студента-активиста воплощается через типовые конструкции.

Эти конструкции кажутся достаточно жесткими, активно функционирующими, подминающими под себя большинство ораторов из среды студентов-активистов. Интересно, что выявленные черты их речевого поведения появились не в результате инструктивных установок,

они сформировались самими участниками общего речевого пространства. Им комфортно в этом пространстве, они поняты и готовы понять другого.

Речевая стихия устного высказывания студента-активиста лежит в парадигме концептов «движение», «акция», «инициатива». Каждый из них находится в плоскости очевидной «правильности», некоей незыблемости. «Движение» и «акцию» не обсуждают с точки зрения целесообразности. Это материи, не требующие обсуждения, тем более, дискуссии. Говорящий и слушающий понимают друг друга, поскольку они были либо организаторами, либо участниками. Детали, подробности, описания в данном случае не требуются. В рассказы очевидцев-активистов никогда не входят диалоги, какие-нибудь лирические раздумья, отсутствуют здесь портретные или пейзажные зарисовки. В этих текстах публицистическое начало сведено к минимуму. При том, что основным персонажем является рассказчик, лирическая интонация здесь тоже исключена. Высказывания студентов-активистов в большинстве своем являются вариантом деловой коммуникации, включающей в себя как бюрократический сленг «взрослых», так и элементы молодежного жаргона². Интересно в перспективе сравнить высказывания студентов-активистов в официальной и неофициальной обстановке. Можно предположить, что разговорная стихия студента-активиста мало чем будет отличаться от устной непубличной речи любого студента.

Мы уверенно можем говорить вслед за М. М. Бахтиным [7] и об общих структурных особенностях, и о вполне четких границах высказывания, и о роли субъектов этих высказываний, и о норме экспрессивности (вернее, ее подчеркнутым отсутствии) в устной речи студентов-активистов. Очевидно, этих критериев достаточно, чтобы определить особенности народившегося жанра, сформированного устным высказыванием студента-активиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорошая речь / под ред. О. Б. Сиротининой. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
2. Никитина Л. Б. Языковой образ пожилого человека через призму оценочных речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1 (2). С. 89–95.
3. Деметьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1(21). С. 6–21.
4. Безуглая Л. П. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 30–37.

²О некоторых приметах такого рода в современном языке см. [6: 712].

5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Языки славянской культуры, 2005. 384 с.

6. Современный русский язык: Актуальные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.

7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

REFERENCES

1. O. B. Sirotinina, ed. *Khoroshaya rech* [The Good Speech]. Moscow, LKI Publ., 2007. 317 p. (in Russian).

2. Nikitina L. B. Yazykovoy obraz pozhilogo cheloveka cherez prizmu otsenochnykh rechevykh zhanrov [The Speech Image of a Senior Through the Judgemental Speech Genres]. *Zhany rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1 (2), pp. 89–95 (in Russian).

3. Dementyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological

Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian).

4. Bezuglaya L. R. Neiskrenniye rechevyye akty i neiskrenniye rechevyye zhanry [Insincere Speech Acts and Insincere Speech Genres]. *Zhany rechi* [Speech Genres], 2015, no. 1 (11), pp. 30–37 (in Russian).

5. Arutyunova N. D. *Predlozheniye i yego smysl* [The Sentence and its Meaning]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2005.

6. *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktual'nyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [The Modern Russian Language: The Current Processes on the Brink of the 20th–21st centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2008. 712 p. (in Russian).

7. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: M. M. Bakhtin. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of the Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 03.04.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Елина Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 193–199. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>

For citation

Elina E. G. The Oral Narrative of a Student Activist as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 193–199 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-193-199>